

РЕФЕРАТ

ПО ИСТОРИИ ОНТОЛОГИИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ НА ТЕМУ

Наименование наук, по которым проходит подготовку аспирант

"Эволюция представлений о гипотезе лингвистической относительности"

Реферат выполнил:

Арнаутов Илья Дмитриевич
Ф.И.О. аспиранта или соискателя

Реферат проверил:

Баранец Наталья Григорьевна, д.
философ. н., профессор кафедры
философии
Ф.И.О., ученая степень и ученое звание
преподавателя по истории науки

*Всё верно
31.03.2016
Баранец*

Ульяновск, 2016г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ	4
2. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГИПОТЕЗЫ	12
2.1 Ранние подтверждения гипотезы	12
2.2 Ранние опровержения гипотезы	14
2.3 Новые подтверждения гипотезы	18
2.4 Новые опровержения гипотезы	20
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	24
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	25

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о взаимоотношении языка и мышления является традиционным для философии языка и лингвистики и уходит своими корнями в глубокую древность. Первоначально этот вопрос рассматривался исключительно в векторе влияния категорий мышления на становление языковых и преимущественно грамматических категорий.

Уже в знаменитых диалогах Платона против софистов, считавших, что физический мир не может быть познан иным способом, кроме как через язык, появляются отголоски идеи лингвистического релятивизма. Платон, напротив, полагал, что мир состоит из имманентных вечных идей, а язык, чтобы быть истинным, должен стараться отразить эти идеи так точно, как это только возможно. Развивая мысль Платона, Святой Августин, например, считал, что язык — не более, чем маркеры, определяющие уже существующие понятия, и эта позиция оставалась преобладающей на протяжении Средних веков. Философы Нового времени также обращаются к языку, но под несколько иным углом зрения. Роджер Бэкон, например, полагал, что язык является ничем иным, как покровом, прячущим вечные истины от реального человеческого восприятия. Для Канта язык остался всего лишь одним из нескольких познания окружающего мира.

Определенным переломом в системе представления знаний о языке и его отношении с когнитивными возможностями человека стало учение Вильгельма Гумбольдта и сторонников философии немецкого романтизма. В 1820 году Гумбольдт связал изучение языков с национальной романтической программой, предложив следующую точку зрения: язык - это ткань мышления. Мысли появляются как часть внутреннего диалога, который подчинён тем же правилам грамматики, как и родной язык мыслящего[16, с. 99]. В двадцатом веке некоторые идеи Гумбольдта назовут первым проявлением гипотезы лингвистической относительности.

---

1. ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Учение об относительности в лингвистике возникло в конце XIX - начале XX в. в русле релятивизма как общеметодологического принципа и принято считать, что ведёт свое начало от работ основоположников этнолингвистики - антрополога Франца Боаса, его ученика Эдуарда Сепира и ученика последнего Бенджамина Уорфа. В той наиболее радикальной форме, которая вошла в историю лингвистики под названием "гипотезы Сепира-Уорфа", гипотеза лингвистической относительности была приписана Уорфу на основании ряда его утверждений и эффектных примеров, содержащихся в его статьях. Между тем, свои утверждения Уорф сопровождал рядом оговорок, у Сепира же категорических формулировок не было вообще.

Следует уточнить, что термин "гипотеза Сепира-Уорфа" является, по сути, неправильным, так как Эдвард Сепир и Бенджамин Уорф никогда не были соавторами и не говорили о своих идеях как о научных теориях или гипотезах. Появление строгой и мягкой версий гипотезы также является позднейшим нововведением: хотя Сепир и Уорф никогда преднамеренно не проводили схожего разделения, в их трудах можно найти как строгое, так и мягкое описание принципа релятивизма.

Идеи, сопоставимые с принципом лингвистической относительности, разрабатывались в течении неогумбольдтианства. в двух его ветвях - европейском (Л. Вейсгербер, И. Трир, Х.Глинц, Г. Ипсен) и американском (куда кроме Э. Сепира и Б. Уорфа входили Д. Хаймз и прочие). Похожие мысли высказывались А. Кожибским, К. Айдукевичем, Л. Витгенштейном, Л.В. Щербой и прочими исследователями.

Формирующая роль языка в познавательных процессах признается и в марксистской психологии, изучающей опосредствующее влияние языковых значений на процессы категоризации в мышлении, восприятии, памяти, внимании и т.д., но в гипотезе лингвистической относительности эта роль абсолютизируется, что ведет к неправомерному представлению об

"отгороженности" познания, осуществляемого посредством структур языка, от реального мира, к отрыву значений от общественной практики и ошибочному тезису о тождестве языка и мышления.

Отметим также, что идеи неогумбольдтианцев относительно влияния языка на мыслительные и познавательные процессы восходят к работе Вильгельма Гумбольдта "О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества", где, в частности, говорится, что "человек преимущественно – да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, – живёт с предметами так, как их преподносит ему язык"[16, с. 74].

Важным моментом теории Гумбольдта является и то, что он считает язык "промежуточным миром", который находится между народом и окружающим его объективным миром: "Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг"[16, с. 99]. Человек, по Гумбольдту, оказывается в своем восприятии мира целиком подчиненным языку.

Однако если Гумбольдт считал, что различия в "картине мира", закрепленные в языковой системе, свидетельствуют о большей или меньшей развитости его носителей, то лингвистический релятивизм Боаса и его учеников строился на идее биологического равенства и, как следствие, равенства языковых и мыслительных способностей.

Исходя из того, что в конкретном языке число грамматических показателей относительно невелико, число слов – велико, однако тоже конечно, число же обозначаемых данным языком явлений бесконечно, Ф. Боас делает вывод, что язык используется для обозначения классов явлений, а не каждого явления в отдельности. При этом классификацию каждый язык осуществляет по-своему; язык сужает универсальное концептуальное пространство, выбирая из него те компоненты, которые в рамках конкретной культуры признаются наиболее существенными.[7, с. 68]

Классифицирующую функцию имеет как лексика, так и грамматика. В грамматике как наиболее регламентированной и устойчивой части языковой системы закрепляются те значения, которые должны быть выражены обязательно. Так, в квакиютль языке североамериканских индейцев, который в течение многих лет исследовал Боас, – в глаголе, наряду с категориями времени и вида, выражается также грамматическая категория эвиденциальности, или засвидетельствованности: глагол снабжается суффиксом, который показывает, являлся ли говорящий свидетелем действия, описываемого данным глаголом, или узнал о нем с чужих слов. Таким образом, в "картине мира" носителей языка квакиютль особая важность придается источнику сообщаемой информации[7, с. 71].

Сепир понимал язык как строго организованную систему, все компоненты которой (звуковой состав, грамматика, словарный фонд) связаны жесткими иерархическими отношениями. Связь между компонентами системы отдельно взятого языка строится по своим внутренним законам, в результате чего спроецировать систему одного языка на систему другого, не исказив при этом содержательных отношений между компонентами, оказывается невозможным. Понимая лингвистическую относительность именно как невозможность установить покомпонентные соответствия между системами разных языков, Сепир ввел термин "несоизмеримость" (*incommensurability*) языков. Языковые системы отдельных языков не только по-разному фиксируют содержание культурного опыта, но и предоставляют своим носителям не совпадающие пути осмысления действительности и способы ее восприятия[30, с. 103].

В статье "Статус лингвистики как науки" Сепир отмечает, что "два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками... Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не

1

иначе главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества"[29, с. 382].

Наиболее радикальные взгляды на "картину мира говорящего" как результат действия языковых механизмов концептуализации высказывались Уорфом. Инструментом концептуализации по Уорфу являются не только выделяемые в тексте формальные единицы (отдельные слова и грамматические показатели) но и избирательность языковых правил, то есть то, как те или иные единицы могут сочетаться между собой, какой класс единиц возможен, а какой не возможен в той или иной грамматической конструкции. На этом основании Уорф предложил различать открытые и скрытые грамматические категории: одно и то же значение может в одном языке выражаться регулярно с помощью фиксированного набора грамматических показателей, то есть быть представленным открытой категорией, а другом языке обнаруживаться лишь косвенно, по наличию тех или иных запретов, и в этом случае можно говорить о скрытой категории[31, с. 199].

Уорфа следует считать также родоначальником исследований, посвященных роли языковой метафоры в концептуализации действительности (в дальнейшем эту ветвь исследований продолжит, и с большим успехом, Лакофф). Именно он показал, что переносное значение слова может влиять на то, как функционирует в речи его исходное значение. Классический пример Уорфа – английское словосочетание "empty gasoline drums" - "пустые цистерны из-под бензина". Инспектируя один химический завод, Уорф обнаружил, что там есть два складских помещений для цистерн с бензином — одно для пустых и одно для полных. Дальше Уорф заметил, что никто из рабочих не курит в комнате с полными бочками, но никто не возражает против курения в комнате с пустыми бочками, хотя те потенциально гораздо более опасны из-за высокой концентрации легко воспламеняющихся испарений. Уорф пришёл к выводу, что причиной

служило слово "пустые", употреблённое по отношению к бочкам, что заставило работников бессознательно расценивать их как нечто безвредное, хотя, возможно, они и сознавали опасность взрыва. "Было установлено, - пишет Уорф, - что основа языковой системы любого языка (грамматика) не есть просто инструмент для воспроизведения мыслей. Напротив, грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума"[31, с. 158].

Этот пример был позже подвергся критике Леннеберга: единичный случай не демонстрирует причинной связи между использованием слова "пустые" и курением, но является типичным образцом "порочного логического круга"[25, с. 130]. Стивен Пинкер в своей книге "Язык как инстинкт" высмеял этот пример, утверждая, что это свидетельствует о человеческой недалёковидности, а не о бессознательном восприятии языка[27, с. 307].

Наиболее детально разработанное Уорфом доказательство существования лингвистического релятивизма - фундаментальная разница в понимании времени у хопи. Он утверждал, что в противоположность английскому и другим языкам средневропейского стандарта, язык хопи не воспринимает поток времени как последовательность отдельных, исчисляемых этапов, таких как "три дня" или "пять лет", но скорее как единый процесс. Соответственно, в языке хопи нет существительных, обозначающих отрезки времени, как их понимают носители языков СЕС (языки средневропейского стандарта). Он предположил, что это понимание времени является основополагающим для всех аспектов культуры хопи и объясняет определённые поведенческие модели[31, с. 160]. Однако позднее Экхарт Малотки, исследовавший хопи, утверждал, что не нашёл доказательств заявлениям Уорфа ни общаясь с носителями языка в 1980-е, ни в исторических документах, обращающихся к эпохе до завоевания [22, с. 392].

Малотки пользовался доказательствами из археологических сведений, календарей, исторических документов, записей устной речи современников, и пришёл к выводу, что нет никаких доказательств того, что хопи концептуализируют время тем способом, который описывал Уорф. Ученые-универсалисты, такие как Стивен Пинкер, часто рассматривают исследование Малотки как окончательное опровержение утверждения Уорфа по поводу хопи, в то время как ученые-релятивисты, такие, как Джон Люси и Пенни Ли раскритиковали эту работу за неверную характеристику исходных посылов Уорфа и за то, что универсалисты подгоняли грамматику хопи под заданные параметры анализа

По меткому замечанию Дэвида Мацумото относительно исследований лингвистической относительности, многие научные работы "выглядят так, как будто это не одна и та же гипотеза, – на самом деле в них рассматривается несколько различных гипотез Сепира-Уорфа"[26, с. 287]. Дело в том, что как уже было сказано выше, гипотеза лингвистической относительности была приписана Уорфу на основании ряда его утверждений. Вполне естественно, что единой формулировки гипотезы нет, а перед нами, как отметил Мацумото, несколько различных гипотез:

-язык определяет человеческое мышление и процесс познания в целом, а через него – культуру и общественное поведение людей, мировоззрение и целостную картину мира, возникающую в сознании;

-люди, говорящие на разных языках, создают различные картины мира, являясь поэтому носителями различных культур и различных общественных поведений;

-язык не только обуславливает, но и ограничивает познавательные возможности человека;

-от различия языков зависит не только разница в содержании мышления, но и различие в логике мышления; языки воплощают "совокупность речевых моделей", складывающуюся из установленных способов выражения мысли и опыта;

-говорящий на родном языке обладает системой понятий для организации опыта и определённым мировоззрением;

- лингвистическая система в известной мере определяет связанную с ней понятийную систему;

-основа лингвистической системы в значительной степени предопределяет связанное с ней мировоззрение;

- восприятие фактов и "сущность вселенной" – производное от языка, на котором о них сообщается и о них говорят;

- кроме проблемы языкового представления достигнутого знания есть проблема понимания этого знания адресатом[26, с. 294].

Отметим также разграничение Дэвидом Мацумото "сильной" и "слабой" версий гипотезы Сепира-Уорфа. Первая включает утверждение, что различия в языке вызывают различия в мышлении. Вторая – что различия в мышлении просто связаны с языком, а не обязательно вызываются им.

В основу гипотезы лингвистической относительности легли предположения Сепира, что:

- язык, будучи общественным продуктом, представляет собой такую лингвистическую систему, в которой мы воспитываемся и мыслим с детства;
- в зависимости от условий жизни, от общественной и культурной среды различные группы могут иметь разные языковые системы[26, с. 303].

Мы не можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, причем язык является не только побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления, но наш "мир" строится нами бессознательно на основе языковых норм. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе, те или другие явления в зависимости от языковых навыков и норм своего общества.

Речь здесь идет об активной роли языка в процессе познания, о его эвристической функции, о его влиянии на восприятие действительности и, следовательно, на наш опыт: общественно сформировавшийся язык в свою

очередь влияет на способ понимания действительности обществом. Поэтому для Сепира язык представляет собой символическую систему, которая не просто относится к опыту, полученному в значительной степени независимо от этой системы, а некоторым образом определяет наш опыт. Значения не столько обнаруживаются в опыте, сколько навязываются ему, в силу тиранического влияния, оказываемого языковой формой на нашу ориентацию в мире.

По Уорфу, язык – это система взаимосвязанных категорий, которая, с одной стороны, отражает, с другой – фиксирует определенный взгляд на мир. На уровне лексики каждый язык кодирует некоторые области опыта более детально, чем другие[31, с. 165].

Гипотеза Уорфа об отношении между культурой и познавательными процессами содержит фактически два утверждения, которые стоит рассмотреть отдельно. Первое: группы людей, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают и постигают мир (собственно лингвистическая относительность).

Второе утверждение выходит за пределы простого предположения о том, что в познавательных процессах существуют различия, связанные с языковыми различиями. Утверждается, что причиной этих различий является язык. Эта доктрина лингвистического детерминизма, по существу, означает, что существует односторонняя причинная связь между языком и познавательными процессами.

---

2. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГИПОТЕЗЫ

2.1 Ранние подтверждения гипотезы

В книге Мацумото главным доказательством справедливости выводов Сепира и Уорфа считаются исключительно эмпирические данные:

"В одном из самых первых исследований, посвященных гипотезе лингвистической относительности, проведенном учеными-лингвистами Кэролом и Касагранде, сравнивали, с точки зрения подхода к вещам, людей, говорящих на языке навахо и на английском. Они изучали связь между системой классификации форм в языке навахо и тем, какое внимание обращают дети на форму объектов, стараясь их классифицировать. Так же как и японский язык, язык навахо имеет интересную грамматическую особенность, состоящую в том, что определенные глаголы, означающие обращение с предметами (например, "подбирать", "бросать"), преобразуются в разные лингвистические формы в зависимости от того, с какого типа предметами обращаются. Всего существует 11 таких лингвистических форм для предметов различных очертаний и свойств: округлых сферических предметов, тонких округлых предметов, длинных гибких вещей"[26, с. 320].

Обратив внимание на то, насколько в языке навахо эта лингвистическая система сложнее, чем в английском, Касагранде и Кэрол предположили, что такие лингвистические особенности могут оказывать влияние на когнитивные процессы. В своем эксперименте они сравнивали, как часто дети, основным языком которых был навахо или английский, использовали при классификации объектов их форму, внешний вид или тип материала. Дети, основным языком которых был язык навахо, значительно чаще, чем англоязычные дети, классифицировали предметы согласно их форме. Также это исследование позволило Кэролу и Касагранде сообщить, что дети из англоговорящих афро-американских семей с низким доходом выполняли задачу очень похоже на то, как это делали дети из семей американцев европейского происхождения. Это открытие в особенности важно, потому

что дети из бедных афроамериканских семей, в отличие от детей евроамериканцев, не были хорошо знакомы с кубиками или с играми на подбор и составление форм[26, с. 324].

Результаты этих экспериментов, вместе с наблюдениями, касающимися связи между культурой и лексикой языка или культурой и прагматикой языка, о которых мы рассказывали выше, дали первое подтверждение идее о том, что язык, на котором мы говорим, влияет на то, какие мысли приходят нам в голову. Язык, таким образом, может играть роль посредника, помогая определить способы понимания детьми некоторых сторон окружающего их мира. По-видимому, язык является одним из факторов, влияющих на то, как мы думаем.

Большое количество научных исследований, проверяющих достоверность гипотезы лингвистической относительности, - это работы в сфере изучения восприятия цвета. Одно из первых заявлений на эту тему было сделано Глисоном: "Непрерывная шкала цветовых оттенков, существующая в природе, в языке представлена серией дискретных категорий... Ни собственно в свойствах спектра, ни в свойствах его восприятия человеком нет ничего, что бы вынуждало разделять его таким способом. Этот специфический метод разделения является частью структуры английского языка"[14, с. 46].

Исследования, посвященные языку и восприятию цвета, как правило, обращались к тому, как цвета разбиваются по категориям и как они называются в различных языках. Например, Леннеберг обнаружил положительную взаимосвязь между легкостью языкового кодирования цвета и точностью запоминания этого цвета в задаче на запоминание. В этом эксперименте легкость кодирования определялась по тому, как легко люди, говорящие на английском, соглашались относительно названия данного цвета, насколько длинным было это название и как много времени им требовалось, чтобы подобрать название. Результаты этого исследования дают

некоторую поддержку гипотезе лингвистической относительности [25, с. 135].

Так как Леннеберг полагал, что объективная реальность, отражающаяся в языке, едина для носителей всех языков, он решил проверить, как различные языки описывают одну и ту же объективную реальность. Леннеберг организовал ряд экспериментов, в которых рассматривалась кодификация цветов. В первом эксперименте он выяснял, легче ли для носителей английского запомнить оттенок, для которого в их языке есть отдельное слово, чем те цвета, для которых отдельных слов нет. Это позволило ему скоррелировать лингвистическую категоризацию напрямую с нелингвистическим заданием, распознаванием и запоминанием цветов. В следующем эксперименте носители двух языков, которые определяют цвета по-разному, английского и зуни, выполняли задания по распознаванию. Таким образом, можно было определить, влияет ли различие цветовых категорий людьми, говорящими на разных языках, на их способность распознавать нюансы внутри общих цветовых категорий. Леннеберг действительно обнаружил, что носители языка зуни, которые объединяют зелёный и синий в одну цветовую категорию, не имеют проблем с распознаванием и запоминанием этих цветов. [25, с. 139]

2.2 Ранние опровержения гипотезы

Леннеберг был одним из первых когнитологов, начавших разрабатывать универсалистскую теорию языка, которая была в итоге сформулирована Ноамом Хомским в форме универсальной грамматики, успешно доказывающей, что в основе всех языков лежит одна основная структура. Хомскианская школа также придерживается той точки зрения, что лингвистические структуры имеют имманентную природу, а то, что мы воспринимаем как различия между отдельными языками, — знание, обретаемое в ходе изучения языка, — всего лишь поверхностное явление, не

влияющее на когнитивные процессы, которые являются универсальными для всех людей. Эта теория была доминирующей парадигмой в американской лингвистике с 1960-х и до 1980-х, а сама идея лингвистического релятивизма впала в немилость и даже стала объектом насмешек. Как пример влияния универсалистской теории в 1960-х, можно упомянуть исследования Брента Берлина и Пола Кея.

Берлин и Кэй исследовали 78 языков и обнаружили, что существует 11 базовых названий цветов, формирующих универсальную иерархию. Некоторые языки, такие как английский и немецкий, используют все 11 названий, другие, такие как язык дани (Новая Гвинея), используют всего лишь два. Более того, ученые отмечают эволюционный порядок, согласно которому языки кодируют эти универсальные категории. Например, если в языке имеется три названия цветов, эти три названия будут описывать черный, белый и красный цвета. Эта иерархия названий цветов в человеческих языках выглядит следующим образом:

Все языки содержат слова для черного и белого.

1. Если в языке есть три названия цветов, то этот язык содержит также слово, обозначающее красный цвет.
  2. Если в языке всего четыре названия цветов, в нем есть также слово либо для зеленого, либо для желтого цвета (но не для обоих этих цветов одновременно).
  3. Если в языке пять названий цветов, он содержит слова и для зеленого, и для желтого цвета.
  4. Если в языке шесть названий цветов, в нем есть также слово для синего.
  5. Если в языке семь названий цветов, в нем есть также слово для коричневого.
  6. Если язык содержит восемь или более названий цветов, в нем также есть слова для пурпурного, розового, оранжевого, серого или некоторые из этих слов[2, с. 72].
-

Чтобы проверить, насколько верны заявления, подобные утверждению Глисона, Берлин и Кэй предприняли исследование разбивки цветов по названиям в 20 языках. Они просили иностранных студентов, обучающихся в университетах Соединенных Штатов, составить список "основных" названий цветов в их родных языках. Затем исследователи предлагали этим испытуемым выбрать наиболее типичный или наилучший образец какого-либо основного цвета.

Берлин и Кэй обнаружили, что в любом языке существует ограниченное число основных названий цветов. Кроме того, они заметили, что кусочки стекла, избранные в качестве наилучших образцов этих основных цветов, обычно попадают в цветовые группы, которые ученые назвали фокальными точками (focal points). Если в языке было "основное" название для сине-голубых цветов, лучшим образцом этого цвета для людей, говорящих на всех таких языках, оказывался один и тот же "фокальный синий". Эти открытия говорят о том, что люди различных культур воспринимают цвета очень похоже, несмотря на радикальные отличия в их языках. Многие стали сомневаться в правильности гипотезы лингвистической относительности, так как она, по-видимому, неприменима к области восприятия цветов[2, с. 75].

Если в языке есть "основное" название для сине-голубых цветов, лучшим образцом этого цвета для людей, говорящих на всех таких языках, оказывается один и тот же "фокальный синий". Таким образом, очевидно, что люди различных культур воспринимают цвета очень похоже, несмотря на радикальные отличия в их языках.

Исследование, хотя и критиковалось релятивистами, например, Джоном Люси, который утверждал, что выводы Берлина и Кея были искажены их настойчивым утверждением: цветовые термины содержат информацию только о цветах. Это, как утверждает Люси, заставляет их закрывать глаза на те примеры, когда цветовые термины содержат иную информацию, которая может рассматриваться как примеры лингвистического

релятивизма. Другие исследователи универсалистской школы, занимавшиеся критикой иных вариантов концепций лингвистического релятивизма, часто критикуют отдельные мысли и примеры из работ Уорфа.

Сегодня многие последователи универсалистской школы и её трактовки мышления до сих пор противостоят идее лингвистического релятивизма. Например, Стивен Пинкер в своей книге "Язык как инстинкт" утверждает, что мышление независимо от языка, а язык сам по себе бессмысленен и никоим образом не связан с человеческим мышлением, мы все думаем на некоем метаязыке, предворяющем появление любого естественного языка[27, с. 120]. Это особый язык мышления, или ментализ. Пинкер критиковал то, что он называл "радикальной позицией Уорфа", объявив своим оппонентам следующее: "чем больше вы изучаете аргументы Уорфа, тем меньше смысла вы в них видите". Пинкер и другие универсалисты, противостоящие лингвистическому релятивизму, подвергались критике релятивистов за неверную интерпретацию взглядов Уорфа и превращение научной полемики в сражение с соломенными чучелами.[27, с. 125]

Однако суждения о достоверности гипотезы лингвистической относительности на базе исследований, касающихся восприятия цветов, должны учитывать тот факт, что способы восприятия нами цветов в значительной степени предопределены нашей биологической структурой, в особенности биологическим строением нашей зрительной системы. Эта система одинакова у людей всех культур. Де Валва и его коллеги исследовали вид обезьян с похожей на человеческую зрительной системой. Они утверждают, что у нас есть клетки, которые стимулируются только двумя цветами (например, красный + зеленый или синий + желтый), и что в каждый конкретный момент эти клетки могут стимулироваться только одним цветом из пары. Например, клетки для "красного + зеленого" могут реагировать либо на красный, либо на зеленый, но не на оба цвета одновременно. Это достаточно интересно, поскольку многие люди отмечают,

---

что хотя смешать красный и зеленый цвета вполне возможно, человек не может воспринимать это сочетание так же, как мы воспринимаем смесь синего и зеленого в качестве бирюзового или красного и синего в качестве бордового. Поэтому "красно-зеленый" невозможен, как с позиции восприятия, так и с позиции семантики[26, с. 383].

Все это убеждает нас в том, что наше биологическое строение играет очень важную роль в нашем восприятии цвета и может закладывать универсальную основу в характер этого восприятия, независимо от лингвистических различий в названиях цветов. В таком случае было бы странно обнаружить различия в восприятии цветов, основанные на языке. Таким образом, мы не можем отвергнуть гипотезу лингвистической относительности только потому, что язык, по-видимому, оказывает мало влияния на то, как мы воспринимаем цвета. В самом деле, если мы обратим внимание на другие сферы человеческого поведения, мы найдем там серьезные доказательства, подтверждающие гипотезу лингвистической относительности.

2.3 Новые подтверждения гипотезы

Со времени появления первых научных работ, поддерживающих, а потом и оспаривающих гипотезу лингвистической относительности, было проведено много других исследований, и часть из них подтверждает правоту этой гипотезы.

Одна из сфер человеческого поведения, которая кажется уязвимой для действия "уорфианских" эффектов – это понимание причинности, т. е. как мы объясняем причины того, что все происходит так, а не иначе.

Ниекава-Ховард рассматривает связь между японской грамматикой и восприятием японцами причин происходящих событий. В японском языке традиционно существует одна интересная пассивная глагольная форма, которая включает в себя следующее значение: поскольку субъект

предложения "был вынужден" предпринять действие, выраженное основным глаголом, он не несет ответственности за само действие и за его результаты. Конечно же, мы можем передать эту информацию и на английском, но для этого нам придется использовать гору дополнительных слов и словосочетаний. Японский глагол в пассивной форме передает это значение в завуалированном виде. Ниекава-Ховард замечает, что люди, родным языком которых является японский и которые часто встречаются с этой пассивной формой, более, чем люди, говорящие на английском, склонны возлагать ответственность на других, даже если результаты действия положительны[27, с. 146].

Другое свидетельство, подтверждающее гипотезу лингвистической относительности, дает Блум, который сообщает, что люди, говорящие на китайском языке, менее, чем те, кто говорит на английском, склонны давать гипотетические толкования гипотетическим историям. Он интерпретирует эти результаты как сильное доказательство в пользу того, что структура языка служит посредническим звеном для когнитивных процессов, потому что китайский и английский языки отличаются в том, как они передают гипотетический смысл.

В английском используется сослагательное наклонение (If I were you, "если бы я был на твоём месте", буквально "если бы я был тобой"). В китайском языке нет сослагательного наклонения в смысле требований обязательного изменения формы глагола (грамматический китайский эквивалент фразы "если бы я был на твоём месте" в буквальном переводе выглядит приблизительно так: "будет, если я – это ты"[26, с. 391].

Еще один голос в поддержку гипотезы лингвистической относительности, сделанное другими учеными открытие, что по крайней мере некоторые различия в познавательных способностях основаны на различиях в структуре языка. Они сравнивали, как протекают мыслительные процессы у людей, говорящих на английском и на языке таракумара, – языке

коренных жителей полуострова Юкатан в Мексике, в котором нет различия между понятиями "синий" и "зеленый".

Исследователи давали участникам эксперимента две лингвистические задачи, и обе они включали выбор из кусочков цветного стекла того, который "больше всех отличается" по цвету от других кусочков. Оказалось, что участники лучше разделяли цвета, когда они могли воспользоваться стратегией их наименования, и это ясно демонстрирует нам, что лингвистические различия могут влиять на выполнение лингвистических задач.

Еще несколько работ предоставляют убедительные доказательства в поддержку лингвистической относительности. Например, Люси, сравнивая американский английский с языком племени юкатанских майя, живущего на юго-востоке Мексики, выделяет отличительные схемы мышления, связанные с различиями в этих двух языках[27, с. 153]. Хусэйн показывает, как уникальные особенности китайского языка влияют на легкость обработки информации. Гарро, сравнивая американский английский и мексиканский испанский, демонстрирует влияние языка на цветовую память[27, с. 154]. Сайта и Бэйкер в своем исследовании воздействия языка на качество и порядок воспроизводства фигур в виде наглядных изображений, также делают вывод в пользу гипотезы лингвистической относительности[26, с. 395]. Лин и Шваненфлюгел, сравнивая английский в Америке и китайский на Тайване, демонстрируют связь структуры языка со структурой знания категорий у людей, говорящих на английском и китайском языках. Все вместе эти работы обеспечивают существенную поддержку гипотезе лингвистической относительности[26, с. 396].

2.4 Новые опровержения гипотезы

Несмотря на убедительные доказательства в пользу гипотезы Сепира - Уорфа, обзор которых мы только что привели, некоторые работы все еще

приводят к результатам, не подтверждающим теорию лингвистической относительности. Лиу, например, оспаривает интерпретацию Блумом его данных. Лиу сообщает о результатах пяти экспериментов, поставленных с целью повторить эксперимент Блума, используя китайские и английские версии тех же историй, что использовал Блум, и приходит к заключению, что склонность к гипотетическим толкованиям, вероятно, не связана с использованием сослагательного наклонения в языке. Лиу также не удалось повторить эксперимент Блума[27, с. 140].

Такано выносит на обсуждение как концептуальные, так и методологические проблемы, связанные с экспериментами Блума, утверждая, что положительные результаты, полученные Блумом, могут быть продуктом методологических упущений. Для исследования природы этих упущений Такано провел три эксперимента и пришел к выводу, что причиной различий, о которых докладывал Блум, могла быть разница в уровне математической подготовки, а не лингвистические различия. Имеются также и другие исследования, проведенные через несколько десятилетий после выдвижения гипотезы, оспаривающие ее достоверность. Хотя мое знакомство с этой литературой показывает, что такие работы по количеству и качеству сильно уступают тем исследованиям, чьи результаты подтверждают гипотезу Сепира - Уорфа, тем не менее они поднимают важные и интересные вопросы, касающиеся лингвистической относительности и применимости этой теории в различных культурах. Так что спор вокруг гипотезы Сепира-Уорфа в научной литературе продолжается, и, несомненно, не последнюю роль здесь играет важность ее возможных следствий и ответвлений. В отсутствие твердых доказательств, подтверждающих или опровергающих эту гипотезу, некоторые ученые в последнее время выдвинули несколько альтернативных моделей взаимосвязи между языком и мышлением[26, с. 400].

Возможно, наилучший способ извлечь смысл из этой области исследований - это обратиться к анализу базовой гипотезы лингвистической относительности, опубликованному уже достаточно давно. Многие научные

работы, посвященные проверке гипотезы лингвистической относительности выглядят так, как будто это не одна и та же гипотеза, - на самом деле в них рассматривается несколько различных гипотез лингвистической относительности.

В 1960 году Джошуа Фишман опубликовал всеобъемлющую классификацию наиболее важных способов обсуждения данной гипотезы. В его описании эти различные подходы упорядочены по возрастанию сложности. Уровень сложности, к которому может быть отнесена конкретная версия гипотезы, определяют два фактора. Первый фактор – какой именно аспект языка находится в поле интереса исследователей, например лексика или грамматика. Второй фактор – какие виды когнитивной деятельности носителей языка изучаются, например, темы, связанные с культурой или нелингвистические вопросы, такие как выполнение задачи на принятие решений. Из четырех уровней самый простой – уровень 1, самый сложный – уровень 4. Уровни 3 и 4 в действительности ближе всего к оригинальным идеям Сепира и Уорфа, которые касались грамматики и синтаксиса языка, а не его лексики[33, с. 118].

Рассматривая литературу, посвященную гипотезе лингвистической относительности, крайне важно все время обращать внимание на то, на каком именно уровне проверяется гипотеза. Эксперимент по изучению классификации объектов людьми, говорящими на языке навахо и на английском, – одно из немногих исследований гипотезы лингвистической относительности, проведенных на уровнях 3 и 4 схемы Фишмана.[33, с. 118]

В противоположность ему значительная доля исследований сравнивает лексические различия в языке либо с лингвистическим (уровень 1 Фишмана), либо с нелингвистическим поведением (уровень 2 Фишмана). Большинство из этих работ попадают на уровень 2, сравнивая лексику языков и нелингвистическое поведение. Когда такие сравнения показывают различия в поведении, делается вывод, что причиной этих различий является язык. Например, если мы опишем в категориях Фишмана эксперимент,

---

касающийся памяти на цвета, характеристика языка будет здесь относиться к лексическим/семантическим (кодирование цветов), а память следует отнести к нелингвистическим видам когнитивной деятельности.[33, с. 119]

Если смотреть с точки зрения классификации Фишмана, наиболее изученной оказывается область лексических различий между языками, которая дает только частичную и самую слабую поддержку гипотезе лингвистической относительности. Такие результаты имеют смысл, поскольку лексика, по-видимому, лишь минимально связана с мыслительными процессами, что может отвечать за некоторую долю скептицизма по отношению к гипотезе лингвистической относительности. Однако менее изученная область синтаксических и грамматических различий между языками представляет нам убедительные доказательства, подтверждающие мнение, что язык влияет на способы познания мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История гипотезы лингвистической относительности еще не окончена. По-прежнему продолжают исследования в области взаимосвязи языка и мышления. Настоящие исследования лингвистического релятивизма сейчас не придерживаются наивного раннего подхода к экзотическим лингвистическим структурам, а также не подвергаются насмешкам и разгромной критике как в универсалистский период. Вместо того, чтобы доказывать или опровергать теорию, исследователи лингвистического релятивизма теперь исследуют связи и границы между мышлением (или познанием), языком и культурой, описывают степень и виды взаимосвязанности и взаимовлияния. Следуя традиции Леннеберга, они привлекают данные экспериментов, чтобы подтвердить свои выводы. Лингвистические исследования пошли гораздо дальше в изучении цветового восприятия и продолжают развивать полученные результаты, исследуя восприятие движения, эмоций, предметного и пространственного представления и памяти. Важнейшей частью лингвистических исследований лингвистического релятивизма сейчас являются поиски когнитивных различий у носителей различных языков, когда язык не вовлечён в экспериментальные задания.

Гипотезе лингвистической относительности находится практическое применение: без нее не было бы "новояза" Джорджа Оруэлла и искусственного языка Айн Рэнд; без нее не было бы некоторых языков программирования (таких как APL или Ruby); без нее не было бы языка "ифкуиль" - единственного опасного для жизни сконструированного языка.

Гипотеза лингвистической относительности пережила взлеты и падения, испытала этапы восхваления и оправданной критики, периоды максимальной востребованности и забвения, однако, идеи Сепира и Уорфа по-прежнему увлекают и исследователей, и просто заинтересованных читателей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Berlin B. A Universalist-Evolutionary Approach in Ethnographic Semantics. // Current Directions in Anthropology, ed. by A. Fischer. Bulletins of the American Anthropological Association, 1970, vol. 3(3), Part 2: 3-18.
2. Kay P. and Kempton W. What is the Sapir-Whorf Hypothesis? // American Anthropologist, 1984, vol. 86, p. 65-79.
3. Rosch E. Universals of Color Naming and Memory. Journ. Exp. Psychology, 1972, vol.93, p. 10-20.
4. Whorf B.L. Science and linguistics. // Language, thought and reality: Selected writings of B.L. Whorf. Cambridge, 1956.
5. Абдрахманова, О. Р. Языковая картина мира во фразеологизмах арготирующих французов // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах :: Тез. Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 7-9 дек. 2001 г. / Под ред. Е.Н. Азначеевой; Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2001
6. Айдукевич К. Язык и смысл // Логос. 1999. - №7. - С.67-93
7. Боас, Ф. Ум первобытного человека: пер. с англ. / Ф. Боас. Гос. изд. 1-я образцовая тип. В М., 1926. - 153 с.
8. Бородай С. Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопросы языкознания 2013 (4), с. 17-54.
9. Брутян Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа. Ереван.: Луйс, 1968. - 66с.
10. Брутян Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании. //Методологические проблемы анализа языка. М. 1978 275с.
11. Васильев С.А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев. 1974- 120с.
12. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. 1958 120с.
13. Гадамер Г. Истина и метод: Основы философской ... Дэвидсон Д. Язык, культура и образование: статус русского языка в странах мира.

- М.: Опыт синергетической онтологии. -М.: ИФ РАН, 2001.-179с.
- Глазунова, О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. СПб, 2000. - 190 с.
- 14.Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. — 486 с
- 15.Горский, Д. Л. Роль языка в познании / Д. Л. Горский // Мышление и язык; сбор, под ред. Д. П. Горского. М.: Гос. изд. полит, лит., 1957. - С. 98 - 120.
- 16.Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. - С. 204
- 17.Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. - 384 с.
- 18.Звегинцев В.А. Семасиология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. -321 с.
- 19.Козлова, Л.А. Социокультурные ценности и их отражение в грамматике языка // Филология и культура: Материалы III-й Междунар. научной конференции 16-18 мая 2001. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. - С. 62-65.
- 20.Кронгауз М. Критика языка // Логос. 1999. № 3. С. 133-146.
- 21.Куайн У. Онтологическая относительность // Современная философия науки. М.,1996.
- 22.Лакофф, Дж. Женщины, огонь и другие опасные ... монография по концептуальной лингвистике / Дж. Лакофф. М.: Языки славянской культуры, 1990. - 692 с.
- 23.Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем Текст. / Дж. Лакофф, М. Джонсон / пер. с англ. / под ред. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.-256 с.
- 24.Лебедев, М. В. Стабильность языкового значения Текст. / М. В. Лебедев. М.: Едиториал УРСС, 1998. - С. 167
-

- 25.Леннеберг Э. Биологические основы языка / Э. Леннеберг // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии : Хрестоматия. -Барнаул : Изд-во Алт. Ун-та, 2001. С. 126-133.
- 26.Мацумото Д. Культура и эмоции / Психология и культура. Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003. - 720 с.
- 27.Пинкер С. Язык как инстинкт : пер. с англ. / С. Пинкер; общ. ред. В. Д. Мазо. М. : Едиториал УРСС, 2004. - С. 456
- 28.Сепир Э. Речь как черта личности. // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., «Прогресс», 2001. С. 291.
- 29.Сепир Э. Статус лингвистики как науки. // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., «Прогресс», 2001. 656 с.
- 30.Сепир Э. Язык. // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., «Прогресс», 2001. С. 245.
- 31.Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Языки как образ мира. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003.-С.157-219
- 32.Уорф Б.Л. Наука и языкознание, О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление / Зарубежная лингвистика I, пер. Кубряковой Е.С., Мурат В.П. М., 1999. С. 92-106
- 33.Фишман, Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни Текст. / Дж. Фишман // Логос. 2005. - №4(49).-С. 116-134.